
Нашей памяти долгий свет —
 Как единственное наследство,
 Как от поступи прошлых лет,
 Никуда от нее не деться...

Все вместила моя душа
 Без остатка и без возврата,
 Чередуются не спеша
 Времена, события, даты...

За морозным, синим окном
 Занялась, замела пороша.
 С каждым часом и с каждым днем
 Тяжелей, непосильнее ноша...

Заметается ночь пургой,
 И луна, потемнев, ослепла...
 И кружатся во тьме глухой
 Хлопья снега и хлопья пепла.

无题

像独一无二的遗传基因
 我们的记忆力属实超群，
 往昔岁月迈出的每一步，
 都在其上留下了清晰的脚印……

时间，事件与斑驳的日期
 不慌不忙一格一格地浮过脑际，
 我的灵魂能吸纳一切
 巨细无遗，一劳永逸……

在新雪骤然降临的夜
 严寒在窗外肆虐。
 屋顶的积雪
 每时每刻都在不停地堆积。

在这个被暴风雪覆盖的夜，
 连月华也被风雪遮掩……
 雪花如棉花和柳絮一般
 在无声的暗夜里肆虐。

«На Родине — как на вокзале...»

На Родине — как на вокзале:
 Сумятица и суета.
 И сумрак в прокуренном зале
 Такой, не видать ни черта.
 Здесь кто-то прибудет заране,
 А кто-то — в последний вагон.
 И кружится в сонном сознанье
 Мир шапок, ботинок, погон...

А после в бездонном пространстве
 Лететь среди тусклых светил,
 Чтоб ветер сомнений и странствий
 Земную печаль возвратил.
 Чтоб вновь поутру захотелось
 Пройтись по траве босиком,
 Чтоб снова печалилось, пелось,
 И даже не важно о ком.
 Чтоб вновь обрести постоянство,
 Чтоб вновь осязать наяву,
 Как падают звезды в пространство,
 Как яблоки — прямо в траву...

在祖国这个家里犹如蹲火车站……

在祖国这个家里犹如蹲火车站：
 人群如蛆虫一样蠕动，忙忙乱乱。
 烟熏火燎的候车大厅里白昼如同黄昏
 人如隔着幕布，对面看不见人影。
 有的人很早就来等车，
 也有人终于坐进了末班车。
 好一个头衔和肩章、皮靴和皮帽的世界
 在昏昏欲睡的脑际回旋……

随后掠过一颗颗晦暗的星体，
 在无边无际的空间飞翔，
 让四处漫游的怀疑的风儿
 还给我们以尘世间的哀伤。
 让灵魂能在每个清晨重新滋生
 光脚在草地上行走的愿望，
 让心灵再次体验无比的忧伤，
 至于为谁忧伤全都无妨，
 让我们能重新用手触摸用眼看清，
 一颗颗星儿是怎样坠落深井，
 宛如一颗颗苹果落入草丛……

Дорога через кладбище

Тесно стало на кладбищах русских.
 Громоздятся тяжелые плиты,
 И проходы немислимо узки,
 И кресты и ограды разбиты.
 Ну, а рядом грохочет дорога
 Деловито и невозмутимо.
 И забытые чертом и Богом
 Изменяемся неуловимо.
 Нет мгновенья, чтоб скорбно и тихо
 Постоять у родимой могилы.
 И гремящее, грозное лихо
 Забирает последние силы:
 Чтобы чувства и глуше, и тише,
 Чтоб душа не томилась в тревоге,
 Чтоб я голоса мамы не слышал
 Из-за этой проклятой дороги.

路过墓地的公路

俄罗斯人的墓地越来越拥挤。
 沉甸甸的墓碑一个挨一个，
 坟墓间的小路窄得不可思议，
 十字架和篱笆墙也破碎支离。
 紧挨墓地有一条时刻在轰响的公路
 运务繁忙且不慌不忙。
 还有就是被鬼和上帝都遗忘了的我们
 早已变得面目全非，失去了原先的模样。
 人事倥傯，不容我面对亲爱的坟茔
 俯首沉默片刻，寄托深情。
 公路上车来车往，车轮滚滚，
 汇成道道长龙，震耳欲聋：
 就是这些可恶的公路噪音
 不让我聆听妈妈的声音
 不让我我和妈妈促膝谈心。

Дом, где жил Тютчев

Смеркается. Как наважденье,
В морозном мареве огней
Проспекта сонное движенье,
Реклам дрожащее свеченье,
Мерцанье тусклых фонарей...

Иду по Невскому. Знакомо
И всё почти известно мне...
На миг остановлюсь у дома,
Увижу яркий свет в окне.

Напряжены, в морозной пыли,
Гудят чуть слышно провода.
Здесь жил поэт. Уже забыли,
В какие именно года.

Не знаю, кто тут виноват.
Да только разве важно это?
Здесь каждый камень помнит взгляд
И голос русского поэта.

Настанет срок — и в сердце каждом,
Покуда Русь еще жива,
Верь, отзовутся не однажды
Его великие слова...

Уже пустеют мостовые.
Смотри, из этого окна
Ему была видна Россия,
Была видна её судьба...

丘特切夫曾经住过的房子

暮色昏昏。灯光映着晶莹的严寒，
像洪水一般泛滥，
大街上是令人昏昏欲睡的车水马龙，
闪烁的广告，是霓虹灯，
还有一盏盏昏黄的路灯。

我走在涅瓦街上。一切都
那么熟悉，几乎都背得滚瓜烂熟。
忽然，我在一幢楼房前停下脚步
我看见明亮的灯光透过窗户。

电线杆发出低沉的嗡鸣声，
在路尘和严寒中，我紧张起了神经。
人们早已忘记何年何月，
这里曾经住过一位诗人。

我不知道这究竟是谁的过错。
况且弄清这一点真的有那么重要？
这里的每块石头都记着
那位俄国诗人的目光和声音。

只要罗斯依然活着，就总会
有那么一天，请相信，
他那伟大的话语，会在每个人的心中
激起巨大的回声……

马路上已然是人去车无。
请看诗人就是从这扇窗户，
瞩望整个俄罗斯
和她那可悲的运数……

Сошла с небес полночная звезда
И засверкала на высоком шпиле,
Которым крест в тридцатые года
На куполе собора заменили.
И верили, иначе и нельзя,
Как только рушить всё до основания...
Струится нынче лунный свет, скользя,
Окутывая улицы и зданья...
Не будем вспоминать давнишний спор,
Что потерял давно свое значенье.
Смотри, стоит увенчанный собор,
Окутанный таинственным свеченьем...
И до заветной не достать рукой,
Не отменить, не наложить запрета,
И льется свет серебряной рекой,
И нам уже глаза слепит от света.

无题

夜半，一颗星星从天上落下，
落在教堂顶上，在圆圆的屋顶上闪耀，
30年代就是这屋顶
取代了曾经有过的十字架。
那时人们都相信要想建设
就必须先破坏，先把一切彻底毁掉……
如今月华如水银泻地
包裹了建筑物和所有的街道……
昔日的这场争论就不要再提了吧，
早已没必要为这事而吵闹。
且看这教堂如此恢宏，
戴着一顶神秘的光晕……
你无法用手触摸上天，
也无法对之实施或是更换戒条，
只有银河水呵一泄如注，
光波晃瞎了我们的双眼。

Снегопад

Снег падает.
Мерцанье фонарей
С сиянием лунным неразрывно слито.
Струится воздух к мрачным небесам.
Во всем искать
Какой-то тайный смысл
Не только бесполезно, но и глупо.
И стоит ли об этом говорить?
Год вычеркнут из жизни, как строка
Из неудачного стихотворенья.
И стоит ли об этом сожалеть?
Нет радости и горя,
Только снег
Летит, кружась в неоновом тумане,
В морозной мгле застывших фонарей.

下雪

雪落大地。
路灯的灯光
和月光融为一体。
清新的空气吹向阴暗的天空。
在一切之中寻找
某种神秘的意义，
这么做不仅愚蠢，而且毫无意义。
对此也许根本没必要提起？
一年被从一生中剔除
像从一首歪诗中剔除一行。
这又有什么值得惋惜？
没有什么悲欢，
只有雪花
飞舞，在霓虹灯的迷雾里，
在冻僵的路灯那严寒的雾霭里。

Птицы возвращаются домой.
Лес сквозит голубоватым светом.
Скоро, очень скоро, Боже мой,
Зазвенит, зазеленеет лето.

Расцветет мой опустелый сад,
Только вот в душе моей — ни звука.
Как-то вдруг неожиданно, невпопад
Вспомнится недавняя разлука.

Снегопада шелест, фонари,
Сигаретный, терпкий запах дыма
И тугая полоса зари,
Замерцавшая неуловимо.

Что осталось? Снега кутерьма,
Долгой ночи влажное дыханье
И нагая, сладостная тьма,
И немного странное прощанье.

Нынче мы чужие — я и ты.
Всё так просто. Сердце бьется мерно.
Что страшнее этой простоты,
Этой строгой страсти равномерной?

Ни прощать не вправе, ни винить.
Но чем дальше время — боль сильнее.
Понял я давно, как надо жить,
Только с каждым годом жить труднее.

Ну а нынче — все звенит весной.
Что природе наши мысли, муки?..
Птицы возвращаются домой
После зимней, тягостной разлуки.

无题
鸟归巢。
森林透出蓝光一条条。
快了，快了，我的天呐，
绿色的喧闹的夏天就要来到。

我那荒芜的园子即将一片妖娆，
只有我的内心依然静悄悄。
不知为何突如其来毫无来由地
想起了不久前的别离。

一盏盏路灯里雪落大地静无声，
一缕缕香烟味道苦涩
一道耀眼的霞光
照彻森林。

还有什么？一片脚印杂沓的雪地，
长夜里一声声湿漉漉的呼吸，
甜蜜而又赤裸的夜暗，
和多少有些奇特的别离。

如今你和我都早成陌路。
一切都那么平淡。心口也不再乱跳。
但比这更可怕的是
就连性欲也被纳入了严格的轨道？

我无权原谅也无权责难。
只是时间越久，心痛越重。
究竟该如何生活我早已明白，
只是生活一年更比一年艰难。

现如今已是春天万木争荣。
自然与人的思绪和痛苦两不相关？
倦鸟归巢，

Встанешь утром рано —
 В мире тишина.
 В пелене тумана
 Тусклая луна
 Скоро неприметно
 Скроется сама.
 В дымке предрассветной
 Замерли дома,
 Каждое мгновенье —
 Капелька тепла.
 Призрачной сомненья
 И прозрачной мгла,
 Если б бесконечно
 Длился этот миг!
 Но ничто не вечно...
 И меня настиг,
 Закружил немного
 Призрачный обман —
 Из дождя ночного
 Сотканный туман:
 В нем двоится странно
 Тусклая луна.
 Встанешь утром рано —
 В мире тишина...

无题
 清晨很早起床——
 世界宁静安详。
 身裹一层雾帐
 淡淡一轮月亮
 很快连我自己
 也要身裹一袭重装。
 黎明前的晨曦，
 包裹幢幢楼房，
 珍惜每个瞬间——
 都能温暖心房。
 心中一点疑惑
 如雾渐次消散
 且让这个瞬间
 何妨持续百年！
 惜乎万物不坚永……
 我也难逃宿命，
 一眼看穿的骗局——
 怎不令我头晕
 且看一夜宿雨
 化作重重雾帐：
 透过重重雾帐，
 现出两轮月亮。
 清晨很早起床——
 世界宁静安详。

Сожаление

Однажды вдруг с горечью осознаешь,
 Что чего-то тебе уже никогда не достичь,
 Чему-то уже никогда не научиться,
 Что из великого множества дорог,
 Лежавших перед тобой когда-то,
 Некоторые остались далеко позади,
 И тебе уже никогда по ним не проехать.
 Я уже никогда не научусь рисовать
 Или, скажем, играть на скрипке,
 Никогда не стану летчиком,
 Ни капитаном дальнего плавания.
 И хотя многое еще впереди,
 Становится обидно, что, выходя на
 перекресток,
 Приходится выбирать одну дорогу,
 Когда бы хотелось пройти тремя...
 Вдобавок ко всему, мне теперь мешает спать
 Шум деревьев, которых я так и не посадил...

憾恨

忽然有一天你会悲伤地想到，
 有些事你已经永远都不可能做到，
 有些事你已然永远都学不会；
 想到你面前的道路曾经有过万千条，
 万千条道路任你挑，
 此刻有一些已被你抛弃在身后，
 还有一些你已经永远也无法把它挑。
 你已然再也当不了画家
 也当不了能演奏美妙乐音的小提琴家，
 你已经不可能开飞机，
 也当不了船长飘洋过海把船驾。
 虽然前面的路仍有许多条，
 心中的憾恨依然，因为走出十字街头，
 仍然不得不选择其中的一条，
 而当时本来可以三条路哪条都不少……
 更何况除此之外，那些并非我栽种的树的喧闹
 吵得我怎么也睡不着……

Дай Бог тебе сильных врагов,
Которые злы и умны,
И пусть не тревожит их снов
Досадное чувство вины.

Быстрее не будешь идти,
Дорога не станет легка,
Когда одолеешь в пути
Какого-нибудь дурака.

无题

愿上帝给你设定一些强敌，
他们个个心狠而又头脑犀利，
而且不要让懊恼的过失感
搅扰其睡眠让他们不得安息。

当你在路上战胜某个笨蛋，
你的步伐也无法变得更快，
你的路也不会变得平坦，
你的行程也不会因之而缩短。

Дрожащие тени ложатся
На светлые воды реки,
Опавшие листья кружатся
Красивы, изящны, легки.

И пахнет так резко и странно
От свежей, промерзшей земли,
И в небе прозрачном, стеклянном
Чуть слышно звенят журавли.

И есть еще время до срока,
Когда загудят провода,
Когда почернеет осока,
Когда потемнеет вода.

无题
明亮的河水
颤抖的树荫
飘飞的落叶
优雅、飘逸而又风情万种。

刚刚开始化冻的土地
散发的气息好不清新，
水晶般透明的天空上
传来阵阵鹤鸣。

距离电线发出蜂鸣，
还有些时间，
苔草尚未枯萎，
水色还没有变暗。

Письмо

А по ночам здесь тишина,
Лишь сосен шум да гул прибоя.
И фонаря на пол-окна
Мерцанье бледно-голубое.

Я буду месяц изнывать
От неподвижной пляжной скуки.
Я буду долго забывать
Твое лицо, глаза и руки...

Звенит ночная тишина.
Далеко слышен гул залива.
Тяжеловесная луна
Задумчива и молчалива.

Довольно истины одной,
Чтоб жить счастливо и беспечно:
Ничто не вечно под луной,
Да и луна сама не вечна.

Всё встанет на свои места...
Как просто всё, но слишком поздно.
А высь безбрежна и чиста,
И только ярко светят звезды...

Пишу — всё будет хорошо,
А всё давным-давно прошло.

写信

这里每到夜里都静悄悄，
除了拍岸浪就是阵阵松涛。
路灯穿过半开的窗
打进一束青白色的光。

由于凝然不动的浴场生活，
未来的一个月我会十分难过。
你的面容、玉臂和美目
我将长久地难以忘怀的

沉甸甸的月亮呵，
一言不发，似在思索。

Саксофон

Ресторан. Полумрак.
Музыка тихо звучит.
Тихо всхлипывает саксофон,
Что-то бормочет он еле слышно,
Словно сквозь слезы...
Публика занята делом.
Что ей до музыки этой?
Похоти похоть жаждет. И похоть
Миром правит и суд вершит.
Тело нагое мерцает в одеждах,
Словно вино в запотевшем бокале.
Музыка тихо струится. Бормочет
Что-то, вздыхая, саксофон.
Всё вспоминает о скрипке. Но скрипка
Разве нужна в этот тусклый вечер?
Музыка нынче в сердцах иная —
Ритмы в такт телодвижений,
Музыка тихо струится и тает,
Дымом табачным неуловимо
К тускло мерцающей люстре возносится.

萨克斯
餐馆。半明半暗。
音乐似有若无。
萨克斯轻轻浮出水面，
在把知心的话语，
含泪倾诉……
食客们忙着吞咽。
音乐与他们何干？
食欲饕餮，
是欲望在支配和评判世界。
衣服下面包裹的都是裸体，
就好像酒杯里的酒液。
音乐在轻轻荡漾。萨克斯
在叹息，在低诉，在轻轻地抽泣。
它在把小提琴一味地回想。可小提琴
又能当得何用，在在昏暗的夜？
此刻人心里响起另一种音乐——
在为人体的动作打着节奏，
音乐在轻轻地流淌，渐渐消失，
像无法捕捉的烟
飞向挂着吊灯的天花板。

Та женщина жила неподалеку
 От старого дворца бакинских ханов...
 А в комнате был низкий потолок
 И окна выходили прямо в небо
 И в море, что мерцало на рассвете.
 И горизонт светился бирюзою.
 И воробьи еще в пыли купались;
 И корабли качались у причала;
 И властно возвышались минареты;
 И не тревожили шаги прохожих
 Уснувшую в глухих проулках вечность.
 А женщина спала. Она не знала,
 Что этот мир обязан ей рождением...
 И тихо лепестки роняли розы
 В дворцовый пруд с зеленою водою...

无题

那个女人住得并不远
 就在古老的巴库汗王宫的旁边.....
 可她住的房间天花板低矮
 窗户直冲冲地冲着蓝天
 黎明时分的海上波光潋滟。
 地平线像绿松石一般。
 麻雀们在灰尘中嬉戏；
 轮船在码头边随波摇曳；
 清真寺的宣礼楼品相庄严；
 路人杂沓的脚步声
 也难惊扰僻居独处的永恒。
 而女人却在梦中沉睡。浑然不知
 这个世界之所以存在，全在把她依赖.....
 且看一瓣瓣带着绿水的玫瑰叶
 静静洒落在宫廷的池塘边.....

Сухое дерево. Притча

Оно других переживет —
Что, в самом деле, с ним случится?
На нем листва не оживет,
На ветви не присядут птицы.
Не тяготят его плоды,
Болезни долгие не мучат,
Не надо солнца и воды,
И ветер не страшит колючий.
Ни боли нет, ни счастья нет —
Вот долголетия секрет.

枯树的寓言

它比别的树活得更长久——
这到底是怎么回事？
它身上的枯叶死去便不再复活，
它的枝桠连鸟儿都不肯落脚。
它身上再不见果实累累，
慢性病也不再把它折磨，
阳光和水分也不再为它所需，
风刀霜剑对它也无可奈何。
没有悲痛也无所谓幸运——
而这就是它长寿的秘诀。

Дорога

Дорога, ведущая в гору,
 Порою в ущелье петляет,
 Спускается вниз по склону,
 Тропинкой становится узкой
 Дорога, ведущая в гору...
 Но тот, кто идет по дороге,
 В ущелье петляя,
 Спускаясь
 По скользкому склону тропинкой,
 Пусть помнит о том,
 Что вершина сверкает снегами:
 То ярко —
 В лучах ослепительных солнца,
 То тускло —
 В полуночном свете
 Высокой и полной луны.

路

上山的路，
 有时也会弯入峡谷，
 向下，沿着斜坡，
 变作一条狭窄的小路
 上山的路……
 而路上的那个行人，
 也弯入峡谷，
 下坡
 沿着滑溜溜的下坡的小路，
 行人呵，切不可忘记，
 山顶披着雪帽：
 时而明亮——
 映着刺眼的阳光，
 时而晦暗——
 那是因为高天的月亮
 发出夜半的幽光。

После засухи

Обмелел от жары водоем —
Обнажилось песчаное дно.
Тянет остро сопревшим гнильем.
Всё живое пожухло давно.

Только черная грязь да песок.
Только вязкая глина да ил.
А недавно в тех водах, высок,
Светлый месяц державно светил.

И плескалась в затоне вода,
И сверкала ночная звезда...

干旱之后
炎热令水库干涸——
水库的沙底也尽现眼前。
所有腐物都迅速干枯。
所有活物都变得萎缩。

剩下的只有黑色的污泥和沙土。
还有到处都是的湿答答的淤泥。
不久前还曾有过一汪水，
水面辉映着银白色的月华。

水声哗哗掀起涟漪万顷，
湖面映照着万点繁星。

Лесное озеро

Войду, как в храм, в сквозящий березняк.
Уже светает. Предрассветный мрак
Стремится ввысь, светлея, исчезает.
Туман прозрачный, истончаясь, тает.
И золотые блестки там и тут,
И светится лиственный изумруд.
Еще не слышны птичьи голоса.
Вот озеро, в котором небеса
Отобразились. Я склонюсь к воде
И не увижу своего лица...

林湖

我走进密密的白桦林，像走进一座宫殿。
曙色熹微。晨曦在
上升，终于消失，天色渐亮。
雾，也是透明的，在蒸腾，在消散。
林间散布着一块块光斑，
像一块森林的绿宝石闪闪发光。
要听鸟叫时候还太早。
只有蓝天
映着湖面。我俯身水面
却看不到自己的脸……

Мы помним тех, кого забыть должны,
Похоронив под ворохом печали,
Но в глупые, несбыточные сны
Они входят еще не перестали.

Вороны не боятся ноября,
А журавли курлычут: «Улетаем...»
Мы помним тех, кого забыть пора,
Кого же помнить надо — забываем...

1980

无题

那些该忘记的，那些被我们葬在一堆忧伤
下面的，我们却偏偏牢记不忘，
但在永远也无法兑现的愚蠢的梦里
他们却，却不停地出现不已。

十一月乌鸦根本就不害怕，
且听一声声鹤唳：“该走啦……”
该忘的我们却还未忘，
而该记得的，我们却依然遗忘……

Три друга было у меня,
Надолго мы расстались,
Но, неразлучные друзья,
Опять мы повстречались.

Один хотел казаться хуже,
Он больше, чем другие, пил
И о своей душевной стуже
Едва не плача говорил.

Второй солиден стал на вид,
Как во дворце лепной карниз,
Хоть рядом за столом сидит,
На всех он смотрит сверху вниз.

Лишь третий, к радости моей,
Остался так же неизменен —
В обыкновенности своей
Был просто необыкновенен.

1980

无题

我有过三个好友，
曾经分别过好久好久，
可因我们曾经形影不离，
所以得以重新聚首。

第一个看上去似乎很糟糕，
喝的酒可真不少
说着说着都快要哭了
说起他的精神是多么苦恼。

第二个样子如今很体面，
煞像宫殿顶上的飞檐，
虽然大家都面对面坐着，
他却居高临下地看着对面。

只有第三个令我欣喜，
还像过去那样没有改变——
可看他那平平常常的模样
却像透着种种的不同寻常。

Валерию Наумову

За окном — все крыши, крыши, крыши,
А вдали — горит в закате сад.
Слышишь этот шорох тихий, слышишь?
Это листья жёлтые летят.

Пролетают мимо, мимо, мимо,
Как листки моих календарей,
И уходят так неумолимо
Дни беспечной юности моей.

Что мне это лето, лето, лето,
Скоро ляжет мягко первый снег.
Жизнь, не мною начатая где-то,
Продолжает свой прекрасный бег.

1980

致瓦列里·纳乌马夫
窗外除了屋顶还是无尽的屋顶，
远处是晚霞映照下的园林。
你可听见这寂静的沙沙声？
那是秋叶在静静地飘零。

秋叶飘零，别我而去，
犹如我日历上的每一个叶片。
日子无声地从我身边经过
可叹我那无忧的青春岁月。

这夏天于我何用，这夏天呵夏天，
很快就会见识温和的头一场雪。
生活并非由我开启，
她依然那么美丽，永远向前。

Когда-то Солнце было Богом.
 Теперь и Бог ничто для нас,
 Хоть равнодушно на Природу
 Ещё взираем мы подчас.

За поколеньем поколенье
 Теряет связь с родной землёй.
 Что ждёт нас? Гибель ли, спасенье,
 Небесный рай иль ад земной?

Как бедный путник, поневоле,
 В последний путь иду, спеша...
 Но ищет, ищет ветра в поле
 Моя бессмертная душа.

1994

无题

一度太阳就曾是上帝。
 如今上帝对我们来说算个屁。
 我们有时甚至对自然
 说实话也瞧它不起。

一代又一代过去
 我嫩白我们失去了与亲爱的土地的联系。
 什么在等待着我们？是死亡还是拯救，
 是天堂还是人间地狱？

只有我那渴望不休的灵魂，
 像一个服苦役的贫穷的旅人
 不紧不慢，踏上最后的征程……
 去寻找田野上的风。

Вокзал

Ночное небо отразилось в лужах.
 В дожде сверкают ярко провода.
 Гудит вокзал, на сквозняках простужен,
 В дорогу отправляя поезда.

Встречай, Самара, Киев и столица,
 Друзей, гостей, домой спешащих вновь.
 Ищи знакомых радостные лица,
 Все рядом здесь — разлука и любовь.

Все вперемешку — радость и тревога,
 Все вперемешку — звезды и луна.
 Отсюда начинается дорога,
 Но здесь же и кончается она.

Горит неон дрожащим, тусклым светом,
 Мерцает в небе тусклая звезда.
 Пора согласно купленным билетам
 Занять свои последние места.

1994

车站
 水洼里映着夜空。
 雨中的电话线微微发光。
 在穿堂风里打着喷嚏的车站伤了风，
 一列列火车在登程。

前面有萨马拉、基辅和首都，
 急匆匆赶回家去见朋友和客人。
 或是去迎接熟人欢快的笑脸，
 分别与爱情全都在此相逢。

一切欢乐和忧伤全都混淆在一起，
 犹如夜空中的月亮簇拥着繁星。
 路从这里开始启程，
 也在这里结束行程。

颤抖的霓虹灯发出暗淡的光晕，
 夜空中有一颗会眨眼的星。
 是时候了，该按号就座了，
 因为火车就是登程。

Развели над Невой мосты.
Переулки повсюду пусты.

Где-то вздрогнул последний трамвай,
Словно горя хватил через край.

Прогремел, прозвенел, простучал
И во тьме непроглядной пропал.

Долго светится чье-то окно,
И кому-то не спится давно.
Но мелькнул на стене силуэт —
И погас утешающий свет.

Только ночь.
Только дождь.
Только тишь.
Только гулко стекает с крыш.

Только тускло горят фонари,
Словно отблески ранней зари.

无题
涅瓦河上已经开桥。
所有街道都静悄悄。

末班电车在某处发出一声叹息，
就好像哀伤盛满了心底。

电车轰隆隆，叮铃铃，嘎啦啦地
随即消失在漆黑的夜里。

谁家的窗户久久地亮着，
定有人今夜失眠睡不着。
可忽然墙上映出一个人的侧影——
熄灭了那盏抚慰人心的灯。

剩下的只有无边的夜。
剩下的只有无边的雨。
剩下的只有无边的静。
檐下的滴雨声响到天明。

只有路灯发出昏暗的光晕，
宛如第一缕朝霞抹上的红云。

В покинутом доме распахнуты двери,
Уныло скрипят одичавшие ставни,
Приходят без страха пугливые звери,
Хоть дом стороной обходили недавно.
Снуют деловито нахальные мыши,
Щебечут беспечно случайные птицы.
Уже прохудилась покатая крыша,
И окон зияют пустые глазницы.
И пусто. И тихо. И так одиноко.
Лишь только журавль пролетает высоко.
О чем ты, зачем ты поешь, соловей,
Кого ты обрадуешь песней своей?..

无题

弃屋里门窗洞敞，
无人照管的护窗板呼塔呼塔地响，
胆怯的小兽们毫无顾忌地来了，
不久前从旁边经过还不敢张望。
无耻的鼠类们一本正经大摇大摆地来了，
偶尔路过的鸟儿们也开始无忧无虑地聊天。
好像瘦了一圈那斜坡似的屋顶，
窗户也和眼睛一样睁着黑洞洞瞳孔。
空了。静了。变的寂寥了。
只有一只鹤飞过高空
夜莺呵，你为什么歌唱，在把什么诉说，
你的歌声是想把谁逗乐？……

А была ли ты на самом деле,
В миг, когда исчезла навсегда,
Или просто птицы пролетели,
Прозвенела вешняя вода?

Словно бы натянутая ветром,
Зазвенит судьбы стальная нить,
Как портной заправский, метр за метром
Буду чётко прошлое кроить...

И не то чтоб изменила память,
Просто быстро время пронеслось,
Просто очень многое с годами
Заново переживать пришлось.

2000

无题

在春潮汹涌的时候，
抑或在候鸟回归的季节，
你是否有过这样的瞬间，
觉得一切都已离你而去？

就好像被风吹胀的风帆，
命运的钢丝绳绷紧了绳缆，
又像一位地道的裁缝，
好把过去的日子一寸寸地剪裁

也不是记忆背叛了自己，
仅仅只是时间过得太快，
仅仅是由于许多往事
于今一一浮现于脑海。

Старая Ладога

Молчат над Волховом курганы.
 Былинный ворон чертит высь.
 Страстей вселенских ураганы
 Давно в могилах улеглись.

Смотрю, как волховские волны
 Стремятся в ладожский простор,
 И глупым кажется, никчёмным
 Любой серьёзный разговор.

Что наши страсти и сомненья —
 Пустопорожные слова...
 Склоняется без сожаленья
 Под ветром летняя трава.

Сжимая памяти обмылок,
 Бреду, молитвою храним...
 И вечность дышит мне в затылок
 Немым язычеством своим.

2000

古老的拉多加

沃尔霍夫河上的丘陵在沉默。
 壮士歌里的渡鸦在高天掠过。
 曾经掀起宇宙风暴的激情
 早已消停于墓穴之中。

试看沃尔霍夫河的波涛
 川流不息地流向拉多加湖的怀抱。
 看到这一情景，任何严肃的谈话，
 都百无一用，难以奏效。

所有我们的疑虑和激情
 充其量都是锅里的气泡……
 犹如劲风下的小草
 只会弯腰。

使劲挤压记忆的海绵，
 祈祷我的呓语也能绵延……
 而我的后脑勺也能感受得到
 永恒的气息，无声的多神教。

2000

Он шёл толпе наперекор
И, выйдя из водоворота,
Перекрестясь, зашёл в собор,
Прикрыв тяжёлые ворота.

И отступила темнота,
На паперти застыли тени,
Он встал пред Образом Христа
И опустил на колени.

Кто был он — мытарь или вор?
Просил прощения? Покая?
Но всем чертям наперекор
Крестился правою рукою...

Он слов молитвы не учил,
Но все же как-то изъяснялся,
И отблеск от его свечи
Под самым куполом метался.

Он вышел, осенью дыша,
И, деньги раздавая нищим,
На миг почувствовал — душа
Затеплилась на пепелище.

无题
他逆着人流
走出人的漩涡，
他划了个十字，走进教堂，
把沉重的大门关上。

黑暗往两边退避，
人影在台阶上站立，
只见他面朝基督的圣像，
扑通一声跪倒。

他是个什么人，是小偷还是税吏？
是在把宽恕还是安宁祈求？
可他却冒天下之大不韪，
用右手划十字。

他连祈祷词也不会念，
但也不碍他表达自己的心愿，
他手中蜡烛发出的闪光
照样也能直达穹顶之上。

他走出教堂，外面透出秋意，
他把金钱给乞丐们传递，
刹那间他觉出自己心里
升起阵阵暖意。

Живя в эпоху перемен,
Напрасно не ищи покоя,
Судьбой начертано другое —
Не попадись в позорный плен.

Живя в эпоху перемен,
Старайся отойти от мира,
Держись подальше от кумира,
На чьих устах смертельный тлен.

Живя в эпоху перемен,
Бывай почаще на природе
И одевайся по погоде,
Пусть даже если ты спортсмен.

Живя в эпоху перемен,
Старайся не забыть о главном
И сделай из железа ставни —
Не создавай себе проблем.

Живя в эпоху перемен,
Не суетись и успокойся,
Молись — и ничего не бойся,
Ни расставаний, ни измен...

И ветром перемен дыша,
Не утруждай себя работой —
Твоей единственной заботой
Пускай останется душа...

无题

生活在发生巨变的时代，
不寻求安宁更有何待，
命运注定有另一种走向——
千万不要堕入不自由的网袋。

生活在发生巨变的时代，
努力把这个世界从心里赶开，
要和所有偶像保持一定距离，
因为他们嘴里散发着毒气。

生活在发生巨变的时代，
请给自然以更多的青睐，
吃饭穿衣要看天气，
哪怕你对体育十分热爱。

生活在发生巨变的时代，
注意不要把最重要的事情加以忘怀，
要用生铁打造器物，
而不是麻烦自寻苦恼。

生活在发生巨变的时代，
要气定神闲，不要耍赖，
你要抓紧祈祷，而对分手和背叛，
切莫挂在心上。

你的肺叶呼吸着改革的春风，
不要让过度的劳动压倒你自身——
唯一需要你小心呵护的，
是你的心灵……

В старой Королевской обсерватории

Господь определит судьбу:
Кто — в адмиралы, кто — в поэты.
Ему — разглядывать в трубу
Чужие звезды и планеты.

Трудился много лет подряд
И познавал устройство мира...
И небо всё твоё. И сад,
И эта тесная квартира,

Но ни иконы, ни креста,
Ни Библии я здесь не видел...
А в целом же судьба проста —
Жизнь прожил — мухи не обидел,

Тускнеют, ослабев, глаза,
И плечи сгорбились убого...
Всю жизнь смотрел на небеса,
Да так и не увидел Бога.

в старой女王观象台

是上帝在支配人的命运：
有的当海军上将，有的当诗人。
还有的一辈子被绑在望远镜上
瞭望遥远的星星和行星。

天文学家一连工作了好多年
终于逐渐认识了这个世界……
属于他的，是这座园子和狭窄的宅子，
还有这广阔的蓝天，

他的世界没有圣像和十字架，
也看不到一本像样的圣经……
但总的说来他的命运也不赖——
活了一辈子，连只蚊子也不曾伤害。

视力渐弱，眼神也变得暗淡，
瘦弱的肩背也变成了驼背……
他一辈子瞩望着苍天，
却并未见到上帝一面。

Афон

Молитвы тихие слова,
И колокольный звон,
И доносящийся едва
Чуть слышный шелест волн.

Скупые отблески зари,
Светлеющий простор,
И в облаках — монастыри,
Как силуэты гор.

Сиянье древнее икон,
Мерцание лампад,
Один завет, один закон
На много лет подряд.

Смахну беспамятства слезу
Тяжёлою рукой,
Домой с Афона привезу
Надежду и покой,

Я на мгновенье был спасён
В невежестве своём,
В туманной дымке вознесён
Над смрадным бытием,

Извечной мудрости ответ
Получен мной уже.
Он, как звезды далёкой свет,
Чуть теплится в душе.

雅典

轻声细语的祈祷和倾诉，
连同声振寰宇的钟声，
加上依稀传到耳边的
细微的海浪声。

一抹淡淡的朝晖，
照亮明媚的天宇，
隐在云中的修道院，
衬着远山的剪影。

古老的圣像，
被神灯照亮，
古老的戒条，
把万世照亮。

我扬手，
挥去失忆的泪水，
把希望和安宁
从雅典带回家。

眨眼间无知的我
获得了拯救，
在神烟的氤氲中，
俯瞰我卑微的生活。

我已经获得一个
终极智慧的答案。
它宛若遥远的星光，
温暖着我的心房。

Биография

Он жизнь свою, как книжку
В трамвае, прочитал,
Жил второпях, вприпрыжку,
В компаниях блистал,

Все, суетясь, носился
В круговороте дел...
Как вдруг остановился,
На миг остолбенел,

И тут неумолимо
Тоска его нашла —
И понял он, что мимо
Вся жизнь его прошла.

Близка к концу дорога,
И страх гнетёт уже —
Ни счастья. Ни Бога
В озябнувшей душе.

Гулял по белу свету,
Надеясь на авось,
И продувает ветер
Судьбу его насквозь.

在电车上，像读书一样
他读完了自己的一生，
一辈子过得磕磕绊绊，匆匆忙忙，
在同龄人中，他还算成功。

生命犹如风火轮，
转呀转呀转个不停……
此刻忽然停住脚步，
想起一生暗自心惊。

想起自己暗自心寒，
无边忧思袭上心间——
事到临头方才明白
自己的一生已然玩完。

一生的路已然走尽，
恐惧已然压我心——
心里既无上帝也无幸福
只有一块寒冰冷彻全身。

也曾在世上走一遭，
一生始终心存侥幸，
宏图伟业尽成空，
统统都被风吹掉。

Вьюги катятся с Ямала
 Прямо к устью Иртыша...
 Начинаю жизнь с начала,
 Примеряюсь, не спеша.

Суета иного мира,
 Снег летит со всех сторон...
 Всё казенное: квартира,
 Мебель, кухня, телефон,

Лампа и комплект постельный —
 По реестру бытиё.
 Лишь душа да крест нательный
 Всё имущество моё...

Я молюсь исправно Богу
 И бреду сквозь непогодь.
 Основательно в дорогу
 Снарядил меня Господь...

无题

暴风雪从亚马尔（俄罗斯地名，是一个半岛——译注）袭来

直冲额尔齐斯河口而去……
 仿佛刚刚开始的生命，
 仔细掂量，迈步十分谨慎。

彼岸世界，也有一番操劳，
 四面八方都有风雪袭扰……
 住宅，家具，厨房和电话，
 一切都被公家备好。
 各种灯具和全套床上用品——
 一应俱全有你可以照单全收。
 只有贴身十字架和一颗心
 这两样东西属我所有……

我虔诚地向上帝祈祷
 向上帝倾诉我的不幸和操劳。
 上帝领我走上人生的路
 还为我备齐了所有的什物。

Цирк моего детства

Как прекрасно всё было вокруг!
И соседей счастливые лица,
И арены сверкающий круг,
Где учёные звери и птицы!

О таинственные миражи!
Но как был преисполнен отваги
Тот факир, поглощавший ножи
И стальные блестящие шпаги...

Лишь взмахнёт рукавами факир,
Птицы вдруг вылетают оттуда,
И был этот загадочный мир
Воплощением света и чуда.

Но решив показать, что и как,
Чтобы публика вновь не скучнела,
Он раскрыл свои тайны, да так
Откровенно, искусно, умело,

Что восторг преисполнил сердца
Всех сидящих в восторженном зале,
Ведь такого, признаться, конца
Они, в общем-то, не ожидали.

Ну, а мне бы не видеть того.
Подступила вдруг к горлу обида.
Я крепился, твердил: «Ничего...» —
Не подав ни малейшего вида.

С затаённой обидой в душе
Я домой возвращался оттуда,
С той поры и доньше уже
Не живу предвкушением чуда.

Догорая, мерцают огни,
И тускнеют лазурные краски...
Миновали прекрасные дни,
Где я жил ожиданием сказки.

我童年的马戏团

我的世界曾经是多么美好！
我的伙伴们也多么幸福，
演艺场犹如一个发光的圆环，
里面充满有学问的野兽和飞鸟！

呵，这是多么神奇的海市蜃楼！
瞧那个会吞刀，
会把闪闪发亮的钢铁利剑
吞进肚里的江湖客是多么勇敢。

耍把戏的只要挥一下衣袖，
就有无数鸟儿飞出袖口，
这是一个多么神奇的世界
来把光明和奇迹实现。

为了不让公众烦闷，
马戏团决定展示其秘密机关，
马戏团揭露了自己所有的机密，
艺术巧妙而又公开坦然。

观众席上所有看客都喜上眉梢，
幸福和欢乐充溢心头，
坦白地说，要知道这样的结局，
大家总的来说都没料到。

可这样的场面我却无缘目睹。
一丝委屈忽然袭上心头。
我连忙约束自己小声嘀咕道：“没什么了不起！”——
尽量不动神色不让他们看破自己。

我心底埋藏着委屈，
静静地回到家里，
从那儿以后直到今天，
生活中的我从不祈求奇迹。

辉煌的灯火渐次熄掉，
蓝色的彩灯也变得晦暗……
幸运的日子终于到头，
我曾在那里把奇迹等候。

Пиши, пиши, писатель,
 Покуда хватит сил,
 Уж раз тебя Создатель
 Талантом наградил.

Ты в нашей жизни — лишний,
 Но не переживай,
 Коль веришь, что Всевышний
 Тебе откроет рай,

В лучах коварной славы,
 В круговороте дел
 Молись, чтобы лукавый
 Тебя не одолел,

Бесовских игрищ зритель,
 Не забывай Христа,
 Уж раз тебе Спаситель
 Слова вложил в уста.

写吧写吧我的作家，
 手中的笔呀不要停掉，
 既然造物主赋予你才华，
 你就不能将其浪费掉。

你在我们生活中不过是个多余者，
 但请你切勿因此而难过，
 既然上帝曾经让你见识过天堂
 你就应该对它充满信仰。

在狡猾名望的光圈里，
 在世俗事务的操劳中
 你要时刻祈祷，不要让狡诈
 主宰你的的心灵。

尽管你见识过魑魅魍魉，
 但却永远不要忘记基督在你心中，
 既然拯救者曾把自己的话语
 投放在你的口中。

Кадры кинохроники

Пленных немцев ведут по столице,
Офицеров ведут и солдат.
Я смотрю в их застывшие лица,
Вижу каждый затравленный взгляд.

Исподлобья глядят осторожно
И не ведают, что впереди...
Рядом – мать молодая тревожно
Прижимает ребёнка к груди,

Мальчик смотрит светло и серьезно
На притихший и солнечный мир,
И пытается выглядеть грозно
Улыбающийся конвоир.

电影纪录片里的一组镜头

一对德军俘虏正被押解过首都的街上，
里面既有军官也有士兵。
看着他们一个个僵尸般的脸庞，
每双眼里透出的都是困兽般的绝望。

他们个个低眉顺眼地偷偷窥视
不知道等待自己的究竟是怎样的下场……
一位年轻的母亲站在一边，
担忧地把孩子搂在胸前。

小男孩严肃地阳光地望着这个世界
这个世界阳光灿烂，枪炮声已然止息，
一个押送兵脸上挂着微笑
正在竭力把笑意小心地藏起。

Судьба помотала немало:
В каких только не был местах!
Полжизни прошло на вокзалах,
Полжизни — в аэропортах...

Урчат недовольно турбины,
Колеса на стыках стучат,
Немые просторы чужбины
По волнам неистово мчат.

Не чувствуя жали и боли,
Отринув усталости страх,
То лесом, то морем, то полем
В остывших паришь небесах...

Летя сквозь ночные метели,
Неистово Богу молись,
Чтоб мимо спасительной цели
В беспамятстве не пронестись...

无题

命运的丝线多少有些搅乱：
没有什么地方不曾不被我涉足！
一半生涯在各类车站度过，
一半生命交给了航空和运输……

涡轮机发出不满的呼啸，
铁轨结合部也发出吱吱叫，
异国他乡那无言的大地
一波一波在我眼前交替。

不知道什么是冷热和病痛，
忘记了疲惫和惊悚，
我穿过大海、森林和田野
时不时还会在空中飞行。

我飞过夜间的风暴，
曾经不停地向上帝祷告，
千万不要让拯救我的目的地，
从我的视野里消逝……

В морозном сумраке белёсом
Из дома выйду не спеша
И в лес войду. И стану лесом.
И успокоится душа.

Смешными кажутся обиды,
Пустопорожними слова,
Быть может и правы друиды,
Что наши предки – деревья?

Они всю жизнь свою упрямо
Ветвями – прямо в небеса,
А мы лишь изредка – у храма
Поднимем на небо глаза...

Я в лес войду. И стану лесом.
Замру, объятый тишиной,
В рассветном сумраке белёсом
Восходит солнце надо мной.

无题

在一个寒冷的微微泛白的黄昏
我不慌不忙地步出家门
我走进森林。自己也成为了森林。
心灵获得了一种不寻常的宁静。

心底的委屈似乎五味杂陈，
连话语似乎也说不清，
也许还是德鲁伊特（古代凯尔特人对大祭司的
称谓——译注）说得对，
我们的祖先原本来自森林。

树木终其一生都以正直立身
所有的枝干都直插天空，
而我们只是偶尔进教堂
才会向天空投以瞭望……

我走进森林。我自己也成了森林。
寂静包裹着的我仿佛就要死去，
在曙色微明的黎明
一轮红日升起在我的头顶。